

Коллекция заблуждений
История. Интересно!

Людмила Макагонова
Наталья Серёгина

Коллекция заблуждений

20 самых неоднозначных
личностей мировой истории

История и наука Рунета

Людмила Макагонова

**Коллекция заблуждений.
20 самых неоднозначных
личностей мировой истории**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 93/94
ББК 63.3(0)-8

Макагонова Л.

Коллекция заблуждений. 20 самых неоднозначных личностей мировой истории / Л. Макагонова — «Издательство АСТ», 2021 — (История и наука Рунета)

ISBN 978-5-17-137373-3

«Коллекция заблуждений» – это книга о ярких личностях, оставивших свой неповторимый след в мировой истории. Еще при жизни на них были навешены ярлыки: «ангел» или «злодей», «хороший» или «плохой», «праведник» или «грешник». Но действительно ли всё было так однозначно? Конечно, нет! В первую очередь это книга о людях с тяжелой, а порой и трагической судьбой; о тех, чей истинный облик только начинает пробиваться сквозь многолетнюю ложь; о тех, кому понадобились годы, а порой и века, чтобы предстать перед потомством в истинном свете. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)-8

ISBN 978-5-17-137373-3

© Макагонова Л., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Княгиня Ольга и князь Святослав	6
Алиенора Аквитанская	11
Луcreция Борджиа	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Людмила Макагонова, Наталья Серёгина
Коллекция заблуждений.
20 самых неоднозначных
личностей мировой истории

© Людмила Макагонова, Наталья Серёгина, текст, 2021

© Рене Магритт «Сын человеческий»

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Княгиня Ольга и князь Святослав Другой взгляд на начало русской истории

Святослав, наверное, самый знаменитый князь из династии Рюриковичей и самый популярный правитель Древней Руси на сегодняшний день. Это он презрительно бросал врагам «Иду на вы», был бесстрашным воякой, всю жизнь проводившим в походах, образцом русского воина. Однако современные ученые полагают, что многое из того, что мы знаем о Святославе, – не более чем миф и заблуждение. Историки и по сей день не могут прийти к единому мнению о том, был ли он князем или всего лишь воеводой, как выглядел на самом деле, и даже то самое «Иду на вы» – тоже под вопросом!

Начнем с семейных тайн первых Рюриковичей. Мать Святослава княгиня Ольга – самая первая и единственная женщина – правитель Древней Руси. Все правившие Киевом и Москвой Рюриковичи – ее потомки. А еще Ольга – одна из самых загадочных женщин в русской истории. Если принять данные «Степенной книги» XVII века, то получается, что вышла замуж она в 10 лет, а матерью стала аж в 49! Загадка и ее имя: в русских источниках она – Ольга, а в западных – Елена, упоминается и имя Прекраса...

Автор ее жития сообщает, что родом она была из простой незнатной семьи лодочника, «языка варяжска». Звали ее не Ольгой, а Хельгой. Она перевезла на лодке на другой берег реки охотившегося в тех местах князя Игоря. Поняв, что перед ним не мужчина, а прекрасная девушка, Игорь начал смущать красавицу, на что получил достойную отповедь и больше приставать к Ольге не решался. Однако твердо решил на ней жениться. В этой версии смущает то, как дочь простого лодочника смогла так талантливо управлять огромным государством и откуда у нее было знание придворного этикета Римской империи, которое она продемонстрировала позднее. Впрочем, в одной из рукописей XVII века говорится, что Игорь женился на дочери половецкого князя, половчанке.

Иоакимовская летопись, которая известна только в пересказе Татищева, сообщает, что Ольга была знатного славянского рода и звали ее Прекраса, а имя «Ольга» она получила от Вещего Олега, который, по легенде, и привел ее к Игорю. Типографская летопись XV века

передает слух, что Ольга и вовсе была дочерью Вещего Олега. А чешский средневековый историк пишет, что она – его сестра.

Точно неизвестно и место ее рождения. «Повесть временных лет» называет Ольгу уроженкой Пскова. Вот только в других источниках она – основательница этого города. А на место ее рождения претендует болгарская древняя столица Плиска. Кстати, на знатном болгарском происхождении Ольги настаивали дореволюционные русские историки.

Летописная версия гласит: в 945 году, во время очередного сбора дани Игоря подвела жадность. Собрав с древлян все, что только возможно, он вдруг решил, что было бы неплохо взять еще, и вернулся в город. Древляне этого не вытерпели и убили князя. Ольга отомстила за супруга, долго горевала, но взяла себя в руки и стала править при малолетнем Святославе.

А дальше следует история о жестокой расправе Ольги над древлянами за убийство Игоря. Но эта самая знаменитая месть нашей древней истории тоже сегодня вызывает массу вопросов! О ней мы знаем из русских источников, а вот при обращении к иностранным – ситуация предстает совсем в другом свете... Византийский писатель и историк *Лев Диакон* был убежден, что в смерти Игоря виноваты вовсе не древляне, а... германцы, на которых Игорь отправился в поход! Это германцы взяли его в плен и жестоко убили! Но самую поразительную версию высказал историк и фольклорист XIX века Н.И. Коробко. Он собрал и задокументировал народные предания, ходившие в Овручском уезде, где как раз и располагался город древлян – Искоростень. И они буквально переворачивают наши представления об истории первых Рюриковичей. Народная память именно княгиню Ольгу обвиняла в убийстве мужа и узурпации власти! Еще в XIX веке в земле потомков древлян бытовало предание, что 7 лет Ольга осаждала своего мужа Игоря, пока тот находился в Искоростене! То есть древляне были союзниками князя, а вовсе не врагами. Это косвенно подтверждает и Лаврентьевская летопись, когда говорит о том, что древляне самостоятельно погребли Игоря со всеми почестями, но зачем, если он был их врагом?! Вот такой вот разворот событий. Однако почему Ольга решилась на убийство собственного мужа? О том, что смерть Игоря была выгодна Ольге, свидетельствует Иоакимовская летопись, которая сообщает, что у Игоря, помимо Ольги, были и другие жены, от которых у князя могли быть дети, которые впоследствии могли претендовать на княжеский престол, создавая угрозу власти Святослава.

Когда Игорь погиб, Святославу было всего три года, и Ольга стала регентом при малолетнем сыне. Любопытно, что дружинники покойного князя сразу же признали новую правительницу. Но и после совершеннолетия Святослава Ольга все равно осталась фактическим правителем страны. Князь вырос настоящим воином, и при княжеском дворе сложилось так, что Ольга стала пользоваться большим авторитетом, чем ее чересчур воинственный сын. Пока Святослав большую часть времени проводил в военных походах, власть над страной была в ее руках. Она реформировала почти все сферы жизни, создала стройную налоговую систему, провела административную реформу, фактически создав весь государственный аппарат Древней Руси. Она же начала и каменное строительство, посмотрев на то, как легко горят деревянные крепости древлян. Ольга установила точный размер налогов с каждого княжества, дату их выплаты и периодичность. Все подвластные Киеву земли были обязаны его платить, и в каждой административной единице государства был назначен княжеский администратор – тиун. Некоторые исследователи даже называют Ольгу Петром I своего времени.

Святослав же воевал с хазарами и к внутренним делам государства интереса не проявлял. Отношения между матерью и сыном испортились еще больше, когда Ольга приняла христианство и начала уговаривать Святослава последовать ее примеру. Обращение княгини в христианство состоялось в Константинополе в 955 году. Так она стала первой правительницей Киевской Руси, принявшей новую веру, оставив тем не менее свою дружину и подданных в язычестве.

По легенде, ее крестили византийский император Константин VII Багрянородный и священник Феофилакт. При крещении Ольга получила имя Елена. Вот только Константин Багрянородный говорит, что в Константинополь Ольга прибыла уже крещеной! И здесь историки высказали еще одну необычную гипотезу! А что, если на самом деле существовало две Ольги? Ведь в ту эпоху на Руси практиковалось многоженство. Не исключено, что на одной Ольге Игорь женился в 903 году, а сына Святослава родила ему другая Ольга... Этим и объясняется путаница с датами, согласно которым замуж она вышла в 10 лет, а сына родила около 50! Так что не исключено, что та Ольга, которая чинила зверские расправы над древлянами, и та, что мудро правила Киевской Русью и была причислена Церковью к лику святых, – это две разные женщины.

Не меньше загадок связано и с ее сыном. Согласно летописи Святослав все детство находился при матери в Киеве, вот только на самом деле, как и его предки, изначально он был новгородским князем! Византийский император Константин Багрянородный около 949 года пишет:

«Приходящие из внешней Росии в Константинополь монохилы являются одни из Немогарда¹, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии». Фразу ученые часто толкуют как указание на то, что Святослав был посажен в Новгороде еще при жизни отца. В этом отрывке нам интересно не только то, что Святослав – новгородский князь. Заметьте, император Византии, в которой с большой дотошностью относились к титулам, имя Святослава Константин приводит без титула! Точно так же – без титула «архонта», то есть правителя, Константин приводит его имя при описании визита Ольги в Константинополь в 957 году. А вот сама Ольга – Эльга Росена зовется архонтиссой, то есть верховной правительницей Русской Земли. «Королевой Ругов» называет Ольгу под 959 годом и западноевропейская хроника «Продолжателя Регинона». Российский историк, специалист в области генеалогии Евгений Пчелов, уверен, что «Ольга никогда не отдавала свою власть сыну. Она до смерти сохраняла положение полновластной правительницы, а бурная военная деятельность Святослава, буквально рвавшегося за пределы Руси, ясно показывает, кто на самом деле управлял государством». Интересно, что Святослав вернулся из очередного похода и раздал сыновьям уделы на Руси только после смерти матери в 970 году, когда власть уже полностью принадлежала ему. Современник Святослава Лев Диакон тоже называет его не государем – «архонтом Росии», а «катархонтом Тавров» и «катархонтом войска росов», то есть военным предводителем, воеводой! А вот что писал о положении Святослава историк XIX века Сергей Соловьев: «Можно сказать, что Святослав никогда не имел на Руси значения князя: сначала это значение имела его мать Ольга, потом сыновья его». И действительно: только в договоре с греками, заключенном после смерти матери, у Святослава появляется титул «Великий Князь Русский».

Да и в «Повести временных лет» Святослав предстает таким неутомимым, неприветливым воителем, скорее воеводой, чем князем: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых и легко ходил в походах, как гепард, и много воевал. В походах же он не возил с собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». Вот только как пишет известный отечественный историк Сергей Цветков: «Историзма в этом портрете не больше, чем в «исторических» полотнах мастеров Возрождения, где античные герои щеголяют в доспехах итальянских кондотьеров. Образ неутомимого князя-всадника, не расстающегося с седлом даже ночью, вероятно, позаимствован летописцем из более поздней дружинной поэзии XI–XII веков, любившей уподоблять стремительные передвижения конных дружин бегу волков и гепардов».

¹ Так Константин Багрянородный называет Новгород.

На самом деле современники описывают Святослава либо в ладье, либо вовсе пешком во время сражения. Да и излишнего героизма реальный Святослав не проявлял: так, он далеко не всегда сам участвовал в сражениях, а поручал командовать военачальникам. И даже, по словам Льва Диакона, отказался от поединка с византийским императором Иоанном Цимисхием, который должен был решить войну между ними. Мало того, то самое легендарное «Иду на вы», которое он бросал своим врагам, предупреждая о намерении напасть, оказывается, в реальности он сообщил только один раз – тому самому Иоанну Цимисхию. А на остальных нападал как положено – без предупреждений.

Похоже, и его облик не более чем заблуждение. Князя Святослава принято изображать с оселедцем – выбритым чубом на голове и в шароварах. Такой облик основан, казалось бы, на словах его современника Льва Диакона, лично видевшего Святослава: «он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода». Вот только еще сто лет назад никто не стал бы рисовать Святослава таким запорожским казаком с бритой головой, чубом и длинными вислыми усами. Такой образ князя стал популярен, как считается, скорее всего, с подачи яркого антинорманиста академика Б. Рыбакова, чтобы подчеркнуть отличие русов от скандинавов. Все дело в том, что такая прическа была больше характерна для тюрков. Так выглядели, например, правитель гуннов Аттила, болгарский хан Аспарух.

Но почему у русского князя – тюркская прическа? Все дело в том, что на самом деле в переводе этого отрывка из Льва Диакона не все так гладко. Вместо «безбородый», вполне допустим перевод «с редкой бородой», а что касается того самого клока волос, то можно перевести и что свисает он не с одной, а с двух сторон головы. Так этот отрывок и переводили до XX века. Например, в «Истории России с древнейших времен» Сергея Соловьева внешность Святослава описана так: «Все волосы на голове были у него выстрижены, кроме одного клока, висевшего по обеим сторонам, что означало его знатное происхождение». Неслучайно именно таким выглядит Святослав и на реконструкции одного из самых известных иллюстраторов-реконструкторов Средневековья Ангуса Мак-Брайда. То есть на самом деле князь Святослав выглядел не как казак или тюрк, а скорее как викинг Рагнар Лобдрок.

И это неудивительно. Это была типично европейская прическа, состоящая из волос, собранных в пучок. Часть головы могли выбривать для того, чтобы удобнее было носить шлем. Такой хвост был и дополнительной защитой под шлемом. Неслучайно именно длинные волосы в европейской традиции стали признаком знатности и принадлежности к военному сословию. У франкских Меровингов длинные волосы были даже символом королевского достоинства. В то же время бритая голова у германцев и славян была знаком раба. Вряд ли русский князь согласился бы на подобное бесчестье. То, что Святослав носил косу, а не оселедец, подтверждает и более позднее свидетельство Жильбера де Лануа, посетившего Русь в XV веке: «В Новгороде все заплетают косы. Мужчины – одну, женщины – две». На рельефе из немецкого города Штральзунда примерно того же времени у новгородцев заплетены в косы и волосы, и бороды. Есть икона XV века «Молящиеся новгородцы», и там знатные русичи тоже с косами. Эта прическа была характерна для элиты. То есть именно так, вероятнее всего, и выглядел легендарный князь. Интересное подтверждение этому нашли археологи в Новгороде – набалдашник деревянного навершия в виде мужской головы. Прическа представляет собой прядь волос, заплетенных в ту самую тугую косичку. В одеянии Святослава также подчеркивается «бедность» его одежды и, наоборот, хорошие, «богатые» доспехи и вооружение. Эта черта князя – равнодушие к роскоши и любовь к оружию – историческая, засвидетельствованная

летописью и византийскими авторами. Он одевается не как князь, а скорее как военный предводитель, воевода.

Один из самых знаменитых эпизодов в жизни князя Святослава Игоревича – его победа над Хазарским каганатом. Летопись сообщает, что в 964–965 годах воевал Святослав с вятичами на Оке и в 966 году «Победи Святослав вятичи и дань на них възложи». Считается, что своим походом киевский князь освободил несколько славянских племен, включая вятичей, из-под гнета хазар, а самим хазарам нанес удар в самое сердце их империи.

Вот только на самом деле это совсем не так! И никаких славян добрый князь Святослав освобождать от злых хазар вовсе не собирался. Археологи выяснили, что в то время, задолго до раскрученного пути «из варяг в греки», именно Ока была основным торговым путем, связующим Восток с Западом. Находки кладов основной валюты того времени – арабских дирхемов – по ее берегам исчисляются сотнями, а отдельных монет тысячами. Пути «из варяг в греки» такие чудовищные объемы торговли и не снились. А контролировали этот путь потомки народа – носителя археологической культуры рязано-окских могильников, которые в летописную историю вошли под именем Мещера. Археологи открыли их культуру еще в XIX веке, и на сегодня накоплен уже огромный массив информации, который позволяет говорить, что в V веке, задолго до Киевской Руси, они создали на огромных территориях Центральной России и Поволжья протогосударство, аналогичное европейским варварским королевствам той поры, с которыми поддерживали тесные связи.

Классическая рязано-окская цивилизация сильно меняется после той катастрофы, которую она пережила в VII веке, когда полчища неизвестных врагов пришли на эти земли, пока мужчины-воины были в очередном походе. Но тем не менее они смогли возродиться, жизнь на разрушенных городищах оживает и, хоть и сильно изменившись, рязано-окцы продолжают свое существование как Мещера. Они контролируют торговлю по окскому пути, по которому огромное количество арабского серебра – дирхемов идет на Запад. Это их арабы-путешественники описывают как руссов – жителей третьей Руси – Артании.

Однако во второй половине X века все меняется. Поток серебра в Европу сначала резко сокращается, а потом на рубеже X–XI веков иссякает вовсе. И как раз это-то и связывают с экспансией киевских князей в эти земли! Приблизительно в это время во второй раз было уничтожено Тереховское городище, которое претендует на звание столицы Артании – Арты. На городище обнаружены пачки спекшихся в пожарище дирхемов, нетертые дирхемы как раз 960-х годов, весы, гирьки и даже редчайшая подвеска с лично-родовым знаком Рюриковичей, которая при ближайшем рассмотрении оказалась знаком как раз Святослава Игоревича – боевой двузубец с крестом сверху.

Военные походы Святослава, похоже, направлены были именно на Волго-Окский путь, он стремился его заблокировать ради стимулирования пути «из варяг в греки». Это дело завершил уже его сын Владимир походом в 985 году на болгар. Фактическое уничтожение Окского торгового пути имело тяжелые геополитические последствия для всего мира. Дело в том, что в Северной Европе долгое время не было своих источников серебра, а именно оно было одним из главных денежно-весовых эквивалентов. Поэтому и спрос на арабские дирхемы был огромный. В 1006 году болгарское посольство просит дозволения у Владимира торговать по Волге и Оке без опасений, то есть возродить собственно окский путь, который Рюриковичи уничтожили...

А недавно вышла статья известных отечественных историков И. Гавритухина и А. Обломского, в которой ученые и вовсе говорят о том, что на территории Московской и Рязанской областей тогда сформировалась альтернативная Русь – государство вятичей, противостоявшее Руси Киевской. Эту-то альтернативную Русь, собственно, и разгромил князь Святослав. Вот такая вот история со спасением славян и объединением русских земель...

Алиенора Аквитанская Бабушка европейских монархов и секс-символ Средневековья

По меркам Средневековья она – нарушительница всех правил и канонов: вместо того чтобы тосковать в стенах замка в ожидании возлюбленного, она участвовала в Крестовом походе, сама управляла сначала герцогством, а потом и королевством. Ну и, наконец, совершила и вовсе немыслимое по тем временам: влюбилась, развелась с надоевшим мужем – королем Франции, на минуточку! А потом вышла замуж за любимого, стала королевой Англии, воевала с собственным мужем и родила 10 детей. Она была настоящим секс-символом Средневековья: ей посвящали стихи, ее несравненную красоту превозносили многочисленные трубадуры, даже когда ей уже исполнилось 70 лет...

До наших дней не дошло ни одного прижизненного портрета Алиеноры. По описаниям современников она была невысокого роста, с большими темными глазами и роскошными густыми медно-рыжими волосами, которые то были собраны в тугий узел под сеткой, то свободно падали на плечи. Она была свидетельницей расцвета рыцарского века. И именно Алиенора и ее любимый сын, Ричард I Львиное Сердце, стали символом женского и мужского начал в рыцарстве.

Но Алиенора была одновременно и женщиной-легендой. Современники королевы, познакомившие нас с нею, в большинстве своем были монахами. В те времена их отношение к женскому полу было враждебным. Может быть поэтому монах Альберик писал: «В Антиохии все знали о распутстве этой женщины. Она вела себя не как королева, а как уличная девка». К

тому же хронисты не допускали, что женщина может думать и действовать самостоятельно, что она может давать советы и брать инициативу на себя как в политике, так и в любви, посягая тем самым на властную роль, которую Бог вверил мужчине, ее отцу и мужу, ее «сеньору». Женщину воспринимали как существо второстепенное и подчиненное, что не устраивало Алиенору. И потому хронисты описывали эту беспокойную женщину крайне пристрастно, и дошедший до нас образ Алиеноры нельзя назвать точным. К тому же они смешали легенду об Алиеноре с ее подлинной историей.

Необычную судьбу ей диктовало само имя. Когда у аквитанского герцога Гильома X весной 1122 года родилась дочь, он назвал ее Алиенорой в честь жены Аэноры. С латинского Алиенора переводится как «другая Аэнора». Позднее многие источники стали называть королеву более современным именем Элеонора.

Девушка осиротела в 15 лет и стала богатейшей женщиной Европы. Она унаследовала герцогство Аквитания, занимавшее обширные территории на юго-западе Франции с полями, виноградниками, мощными крепостями и процветающими портами. Аквитания отличалась своими культурными традициями – здесь перемешались итальянские, арабские и еврейские влияния. В XI веке все это породило изысканную культуру трубадуров, которые впервые за сотни лет сочиняли стихи не на латыни, а на родном языке, воспевая красоту прекрасных дам. Первым из трубадуров считался дед Алиеноры, поэтом был и ее отец.

По завещанию отца французский король Людовик VI Толстый назначался ее опекуном до тех пор, пока Алиенора не выйдет замуж. Людовик VI не мог упустить возможности присоединить к своим землям Аквитанию и выдал Алиенору Аквитанскую за своего сына, 16-летнего Людовика VII Юного. Пока молодожены доехали из Аквитании в Париж, они узнали, что король умер. Поэтому герцогиня тут же стала королевой Франции.

По сравнению с блестящим аквитанским двором в Пуатье королевский Париж выглядел тогда серым и скучным. Муж оказался очень набожным, замкнутым и даже холодным. В детстве Людовика VII готовили к церковному сану, воспитывая в монастыре Нотр-Дам. Говорили, что он часами молится, носит под камзолом жесткую власяницу и мечтает отправиться в Святую землю, чтобы воевать против неверных. По словам хрониста, Людовик VII сразу же полюбил красивую Алиенору почти чрезмерною любовью.

Пока ее супруг занимался государственными делами или ходил в военные походы, красавица тосковала во дворце. Жизнерадостная Алиенора старалась перенести в мрачный парижский дворец праздничную атмосферу, которая царилла при дворе ее отца, окружила себя трубадурами, чем настроила против себя окружение короля. Согласно источникам мать Людовика считала ее непостоянной и плохой. Поведение Алиеноры считали неприличным и церковные старейшины. Ведь она не была похожа на людей севера ни внешностью своей, ни выражением лица, ни улыбкой. Но она осталась в этом чуждом ей мире самой собой. Поначалу она практически не имела никакого политического влияния при дворе, даже своей вотчиной Аквитанией Алиенора не распоряжалась, Людовик назначил туда своих людей. Именно король в 1138 году подавил вспыхнувшее в Пуатье восстание горожан, создавших коммуну.

Когда 15-летняя сестра королевы Петронилла увела из семьи 56-летнего графа Рауля I де Вермандуа, король впервые принял сторону королевы и ее родни. Возмущенные родственники графа устроили настоящую войну, в ходе которой погибло много ни в чем не повинных людей. В городе Витри королевские войска во главе с Людовиком сожгли церковь, где укрылись 1500 жителей, и они сгорели заживо. Война продолжалась 2 года, пока не состоялась встреча аббата Бернарда Клервоского с королевой, в результате которой был найден компромисс. Алиенора, брак которой уже 8 лет оставался бездетным, потеряла надежду стать матерью и поведала об этом Бернарду, который пообещал, что если она перестанет дурно влиять на короля, у нее будет ребенок. В итоге мир был заключен. А у Алиеноры в 1145 году родилась дочь, получившая имя Мария – возможно в честь Девы Марии.

Богобоязненного Людовика сильно мучила совесть за смерть невинных людей, сожженных в Витри. Вернувшись в Париж, король исповедался у аббата Бернарда, который ему внушил, что для искупления вины тот должен отправиться на войну с неверными в Палестину. К тому времени на протяжении почти полувека Палестина и часть Сирии находились под контролем Европы, что не устраивало местных мусульман. Собрав мощную армию, они захватили графство Эдессу и угрожали захватить еще и Иерусалим. Людовик со стотысячной армией двинулся в путь в мае 1147 года. С ним ехала и Алиенора. По одной из версий, она сама уговорила мужа не оставлять ее одну в скучном Париже, по другой – Людовик из ревности не захотел оставить ее одну надолго. Алиеноре предложили повозку, но она предпочла проделать путь в шесть тысяч километров через Европу, Византию и Малую Азию верхом на коне. Ее выносливость и отвага восхищали всех.

Однако есть и другие, более любопытные исторические слухи: будто бы для поднятия боевого духа войска она выезжала ему навстречу в костюме амазонки, который оставлял открытой грудь. Конечно, Людовик вряд ли позволил бы жене такие вольности. Через год войско Людовика VII вступило в сирийскую Антиохию, которой правил дядя Алиеноры Раймунд де Пуатье. Здесь собрались храбрейшие рыцари христианского мира, и сердце Алиеноры не устояло. Одни говорили про ее связь с рыцарем Жоффруа де Ранконом, другие считали ее любовником самого Раймунда. Близкое родство Алиеноры и Раймунда сплетников не смущало. Однако этот слух, возможно, был уловкой, поскольку Раймонд через Алиенору пытался убедить Людовика использовать свою армию для нападения на фактический мусульманский лагерь в соседнем Алеппо.

Есть и еще одна порочащая ее история. В той самой Антиохии однажды в ее спальню проник неизвестный, она разделила с ним постель. Кем был этот случайный любовник, остается невыясненным. Хронист Матье де Пари писал: «Эта сумасшедшая женщина опозорила себя, совершив супружескую измену с неверным, сыном дьявола», то есть с сарацином. Возможно, это был ее дядя Раймонд, а может, это было все выдумкой. Но Людовик явно обиделся на жену. Святую землю они покинули порознь, узнав в пути о гибели Раймунда де Пуатье в бою с сарацинами. Вокруг шептались, что любовь Алиеноры приносит несчастье, и все увереннее называли прекрасную южанку ведьмой.

По возвращении в Париж супруги помирились: у них родилась вторая дочь Алиса. Однако прежнего доверия между ними уже не было, и они совсем охладели друг к другу. Людовик вежливо, но твердо отстранил жену от всех дел управления. Запертая во дворце, она радовалась редким развлечениям, одним из которых стал визит графа Анжуйского с семейством. Его сын, 17-летний Генрих, любезничал с Алиенорой, которая была старше его на одиннадцать лет. После отъезда анжуйцев Алиенора потребовала у мужа развода. Людовику она как будто бы сказала: «Я думала, выхожу замуж за короля, а на деле оказалось – за монаха». Официальным предлогом стало то, что они находились в отдаленном родстве, что по церковным канонам препятствовало браку. При этом из одного из посланий Бернарда Клервоского Людовику следовало, что церковники при заключении брака знали о том, что они находятся в четвертой степени родства, но закрывали на это глаза. В марте 1152-го Алиенора получила развод. Дочери остались с королем в Париже; за Алиенорой были сохранены все ее земли, и она вернулась в родную Аквитанию.

В октябре 1154 года Стефан умер, что сделало Генриха владыкой «Анжуйской империи», занимавшей всю Англию и половину Франции.

Через полгода после свадьбы Алиенора родила первенца, названного в честь деда Вильгельмом, и во второй раз получила королевскую корону. Следует отметить, что Генрих был полной противоположностью Людовика. Энергия Генриха была столь неудержима, что никто из придворных не поспевал за ним. Во время частых приступов гнева его обычно невыразительные серые глаза вспыхивали огнем, а в лице, по свидетельствам очевидцев, появлялось

«нечто львиное». По наследству анжуйские предки передали Генриху буйный нрав, а его дед, английский король Генрих I – склонность к наукам.

Хронист Вальтер Мап писал: «Когда руки короля не были заняты луком и стрелами, мечом или поводьями, он заседал в совете или корпел над книгами». Наконец-то Алиенора нашла мужа под стать себе. Она сопровождала его во многих военных походах, часто оставалась наместником на французских землях, а находясь в Англии, получала право на управление королевской казной, что доказывает доверие Генриха к супруге.

С ним обдумывала проекты новых законов и принимала просителей. Вся Европа смеялась над Людовиком: тот обвинял бывшую жену в неспособности даровать ему наследника, а Генриху она родила за 13 лет пятерых мальчиков да еще трех девочек. Все они провели детство в Пуатье на попечении слуг и нянек, а сама королева вела активную светскую жизнь. Зачитываясь балладами о короле Артуре, она основала в корнуоллском замке свой собственный «Круглый стол».

В 1167 году Алиенора родила последнего сына Джона и перебралась в Пуатье, где создала «Двор любви» – кружок молодых рыцарей, дам и трубадуров, которые вели себя в соответствии с правилами куртуазных отношений. Куртуазной любовью считали проявление чувств бесстрашного рыцаря к Прекрасной Даме, которая должна быть неприступной. При обновленном дворе Пуатье частыми гостями становятся философы, поэты. Здесь она встретила с провансальским трубадуром Бернардом де Вентадорном, их куртуазные отношения продолжались 3 года.

Ее возлюбленный пел:

*Что ж, пусть она свою любовь забудет,
Но в сердце раненом моем
Свидетельство любви жить вечно будет.*

Возможно, любовь эта была не только куртуазной: несколько трубадуров открыто хвастались близким знакомством с хозяйкой «Двора». Еще больше было тех, кто от чистого сердца или ради выгоды воспевал ее красоту, сделав Алиенору настоящим «секс-символом» Средневековья. Молва наделила ее множеством любовников. Однако если многие романы королевы были выдумкой толпы, то ее муж изменял ей на самом деле, при этом совершенно открыто.

В первые годы брака Генрих боготворил свою жену. Но шли годы. Постепенно влечение короля к супруге слабело, до Алиеноры стали доходить слухи о многочисленных любовницах мужа. Королева смотрела на эти похождения сквозь пальцы. Она понимала, что пылкому молодому супругу скучно рядом с постоянно беременной женой. К тому же романы Генриха были скоротечны и несерьезны. Но у него появилась постоянная пассия, прекрасная Розамунда Клиффорд – легенды называют ее дочерью булочника. Те же легенды повествуют, как Генрих построил для своей возлюбленной лабиринт в Вудстокском дворце, «чтобы коварная Элиенор не погубила ее. Но та все же нашла путь к центру лабиринта и заставила Розамунду выпить яд». На самом деле надоевшая королю Розамунда ушла в монастырь, где и умерла в 1176 году. Королева в это время была в заточении в замке Винчестер. Розамунда родила от Генриха сына Джеффри. Внебрачных детей у короля было больше десятка, но этого мальчика он любил особо. В Англии стали поговаривать, что король может развестись с Алиенорой и сделать Джеффри своим наследником. Окончательно разрушили мир в семье два отцовских поступка.

В 1169 году Алиенора, навещая Аквитанию, вдруг узнала, что муж втайне от нее заложил часть ее герцогства для достижения своих политических целей. В начале 1170-х любимый сын королевы принц Ричард должен был жениться на дочери Людовика VII Адель, с которой был обручен с 8 лет. Но Генриху так понравилась подрастающая невеста сына, что он сделал ее

своей любовницей. Свадьбу он не отменял, надеясь на богатое приданое Адель, но при этом держал ее рядом с собой так близко, что она родила от него мальчика. Такого поведения ни жена, ни законные наследники простить не могли.

На смену страстной любви Генриха и Алиеноры пришла бешеная ненависть. Король и королева серьезно поругались, после чего она бежала в Аквитанию, забрав с собой старших сыновей, и возглавила мятеж аквитанских баронов.

В 1173 году Генриху удалось захватить собственную супругу во Франции, вывезти ее в Англию и на 16 лет заточить в замке Винчестер. Заточение было достаточно комфортным. Алиенора все еще продолжала оставаться королевой Англии и герцогиней Аквитании. Ей оставили штат слуг, а охране велели предоставить узнице полную свободу в пределах крепостных стен. Английский монах и хронист Гервасий Кентерберийский писал: «Алиенора была очень умной женщиной, рожденной в благородной семье, но очень ветреной».

Сыновья воевали с отцом полтора десятилетия. Одним из их требований было освобождение матери. Генрих оставался непреклонен, и Алиенора просидела в Винчестере до самой его смерти в 1189 году. К этому времени умерли два ее старших сына, и престол достался ее любимцу Ричарду, уже получившему прозвище Львиное Сердце. Второе его прозвище – Ричард Да и Нет. Его он получил за многочисленные нарушения им же заключенных договоров, прозвище «Львиное Сердце» – не за храбрость, а за бешеный нрав.

Первым делом он распорядился освободить мать и с королевскими почестями перевезти ее в Лондон. Ричард мало интересовался делами королевства, поэтому от его имени Англией управляла 65-летняя королева-мать. За десять лет у власти он суммарно не провел на родине и года. По окончании третьего Крестового похода его постигла неудача: Ричард попал в плен к австрийскому императору, который скрывал это обстоятельство, и Алиенора терзалась от неизвестности. Она разослала по всей Европе лазутчиков.

Легенда повествует, что трубадур Блондио, вместе с которым Ричард часто писал стихи, услышал, как в одной из крепостей на берегу Дуная кто-то поет сочиненную им вместе с королем песню.

Император потребовал огромный выкуп. После получения условий освобождения короля был объявлен сбор средств на выкуп, всем налогоплательщикам было приказано предоставить четвертую часть своих доходов. Алиенора Аквитанская следила за выполнением предписания. Когда стало ясно, что требуемую сумму не удастся собрать, было решено отправить императору 200 заложников до тех пор, пока он не получит весь выкуп. Лично выбрав заложников и собрав нужную сумму, 72-летняя королева доставила деньги в Германию. Ричард был освобожден.

Ей не давал покоя вопрос о продолжении династии: ведь тридцатитрехлетний Ричард все еще был холост. Современные историки приписывают ему гомосексуальные наклонности. Алиенора, которой к тому времени исполнилось 66 лет, лично отправилась в Наварру, чтобы отвезти Беренгарию, будущую супругу Ричарда, к нему в Мессину, после чего возвратилась в свои земли. За 10 лет брака Ричард и Беренгария прожили вместе едва ли полгода. Более того, эта английская королева ни разу в жизни не посещала Британские острова. В 1199 году в Нормандии при осаде замка Ричард был ранен в шею и скончался на руках своей матери.

После смерти Ричарда I на английском троне оказался самый нелюбимый сын Алиеноры – Иоанн, прозванный Безземельным. Если Ричард I вошел в историю как король-рыцарь: еще при жизни он стал героем многочисленных песен во Франции и даже персонажем арабских сказок, то правление Иоанна практически официально признано одним из самых катастрофических за всю историю этой страны.

После его коронации мать покинула Англию и переехала в родную Аквитанию. Тем временем 16-летний внук Алиеноры – Артур Плантагенет заявил о своих правах на английский престол. Он заручился поддержкой Филиппа II, короля Франции, и начал вести войну против

Иоанна Безземельного. В ходе этой войны Артур осадил замок Мирабо, где в то время жила Алиенора. Однако внук недооценил мощь и энергию своей бабки, замок бы легко пал, если бы Алиенора не организовала его оборону. Защитники держались несколько дней до прихода Иоанна со своими войсками, и Артур был взят в плен.

Неукротимая энергия не давала Алиеноре покоя. Она продолжала активно участвовать в политической жизни, выдавая своих многочисленных внучек за королей и герцогов во всех концах христианского мира.

В 1200 году почти 80-летняя Алиенора совершила дипломатическую поездку в Испанию, привезла оттуда свою внучку Бланку Кастильскую и сосватала ее за будущего короля Франции Людовика VIII. В 1214 году Бланка родила сына, ставшего впоследствии самым почитаемым монархом Франции – Людовика IX Святого.

В последние годы жизни Алиенора удалилась в аббатство Фонтевро, где и скончалась в очень преклонном возрасте. «Бабушка средневековой Европы» была похоронена рядом со своим мужем Генрихом II и любимым сыном Ричардом.

Алиенора Аквитанская ярко воплотила в себе романтические черты эпохи, связанные с культом Прекрасной Дамы, любовью, страстью и их вечной спутницей – поэзией. Песню, которую пел Ричард Львиное Сердце в заточении, по легенде, «Нельзя, мадам, такой красивой быть. Кто видел вас, не мог не полюбить», можно посвятить ей.

Луcreция Борджиа Дочь Папы Римского и главная грешница эпохи

Эта женщина жила во времена Христофора Колумба, Франсуа Рабле и Леонардо да Винчи. После себя она не оставила ни гениальных картин, ни романов – ничего, что можно было бы передать потомкам. И тем не менее всё же вошла в историю. Историки до сих пор не могут сказать, какой в действительности была эта женщина. На протяжении пятисот лет имя Лукреции Борджиа являлось воплощением зла. Вот только дочь Папы Римского Александра VI не была той развратной отравительницей, которую в ней предпочитают видеть. Она была женщиной, умудрившейся выжить не только в яме со змеями, в которую в эпоху Ренессанса превратилась Италия, но и в яме со змеями, которая называлась ее семьей. И это обстоятельство сделало историю ее жизни еще более захватывающей.

Луcreция родилась в 1480 году. Ее отцом был кардинал и будущий Папа Римский Родриго Борджиа, а матерью – его любовница Ваноцца деи Каттанеи. Отношения с Борджиа принесли Ваноцце большие дивиденды и помогли ей стать не только состоятельной женщиной, но и хозяйкой постоянных дворов в богатых районах Рима. Кроме Лукреции она родила кардиналу трех сыновей: Джованни (Хуана), Чезаре и Джоффри. У будущего Папы Римского было восемь детей от разных женщин, но эти дети, рожденные Ваноццей деи Каттанеи, были его любимчиками. Из нескольких сохранившихся писем видно, что мать Лукреции – женщина алчная и готовая на все ради положения в обществе. Собственные дети ее мало интересовали. Исключением был лишь средний сын, Чезаре, а к Лукреции мать относилась весьма прохладно.

Девочке было всего двенадцать, когда ее отца избрали Папой Римским. Он взял себе имя Александр неслучайно: его героем был Александр Македонский, да и собственного сына он назвал Чезаре в память о Цезаре, а дочь – Лукрецией в честь римской матроны, избравшей смерть вместо позора изнасилования. На Александра VI смотрели как на человека, способного провести Церковь через опасные времена. Современный историк признавал его способности: «Александр VI обладал исключительной хитростью и дальновидностью, удивительной способностью убеждать и умением выходить из сложных ситуаций. Однако эти качества затмевались пороками: непристойнейшим поведением, бесстыдством, ложью, алчностью и непомерными амбициями, варварской жестокостью и ненасытным сладострастием, не зря же наплодил он столько детей». Но нужно сказать о благих делах этого понтифика. Именно Александр VI заложил политику меценатства в эпоху Высокого Возрождения Италии, которая сделала Рим и Ватикан настоящим музеем под открытым небом. Папа покровительствовал таким гениям, как Микеланджело, Рафаэль. Он же восстановил и поддерживал Римский университет. На этом добрые дела папы заканчиваются. При Александре VI Апостольский дворец Ватикана превратился в вертеп; более чудовищного разврата Ватикан ни до, ни после папы Александра VI не видел.

Нам мало известно о детстве Лукреции, ведь в начале карьеры Родриго не хотел обнародовать факт наличия у него нелегитимной семьи. Но главной фигурой в жизни Лукреции был ее отец. А лучшим другом – старший брат Чезаре. Их любовь и преданность друг другу были столь сильны, что Чезаре, как и самого Александра VI, подозревали в инцесте и даже в убийстве из ревности своего брата Джованни. Обвинение в инцесте следует рассматривать с сомнением, ведь в те времена это было любимой темой итальянских сплетен.

Лукреция Борджиа была женщиной хорошо образованной для своего времени. Другие женщины в лучшем случае были обучены монахинями основам Священного Писания, а она свободно говорила по-итальянски, по-каталонски, по-французски и знала латынь. Мало того, Лукреция сочиняла стихи на этих языках, понимала греческий, была обучена искусству красноречия, умела поддержать изысканную беседу. Любила музыку, испанскую и итальянскую поэзию, собирала испанские канцоны, произведения Данте и Петрарки. Как и положено представительнице высшего общества, она выучилась прекрасно танцевать. Так что Лукреция была обречена на успех в обществе, и вряд ли кто-то мог догадаться, какими трагедиями это обернется. 13-летняя дочь главы Ватикана превратилась в завидную невесту, и ее отец прекрасно это осознавал. «Многие хотят породниться с семьей папы через его дочь, и он позволяет им думать, что у них есть шансы. Даже король Неаполя готов вступить в борьбу за ее руку!» – отмечал кардинал Асканио Сфорца. Лукреция, как послушная дочь и сестра, трижды выходила замуж, когда этого хотели Родриго и Чезаре. И следующий зять оказывался для дипломатической работы кардинала и его сына полезнее предыдущего. Что чувствовала тогда сама Лукреция, остается только гадать, но, если принять во внимание отсутствие каких-либо сведений о ссорах в семье Борджиа, можно предположить, что Лукреция относилась к переменам в своей жизни вполне равнодушно.

После первого замужества она стала графиней Пезаро. Несмотря на обилие кандидатур на роль жениха Лукреции, Александр VI решил остановить свой выбор на 26-летнем Джованни Сфорца. Объединив таким образом свой клан с влиятельной семьей Сфорца, Папа Римский получал мощную поддержку севера и центра Италии. Роскошная свадьба состоялась летом 1493 года. Мнением самой Лукреции никто даже не интересовался, ведь она выросла в мире, где мужское верховенство воспринималось как должное. «Тому, кто хочет поступать по-своему, не следует родиться женщиной», – писала ее современница из клана Медичи.

Первый муж Лукреции был красив, обладал полезными связями, но полностью зависел от могущественных миланских родственников Сфорца, а потому ему, как и Лукреции, свободы выбора супруги не предоставляли. Брачной ночи, полагавшейся по обычаю того времени, не

было, так как папа отложил официальное объявление о свадьбе, может быть, по причине юного возраста новобрачной или из-за того, что предыдущий жених Лукреции также приехал в Рим, чтобы заявить права на свою невесту.

Через год 14-летняя Лукреция переехала к мужу. Отношения между супругами были сложными. Когда Джованни находился в Риме, то Лукреция жила в Пезаро; когда муж приезжал в Пезаро, она возвращалась в Рим. И все-таки Джованни Сфорца дорожил своим браком и Лукрецией: ведь она являлась важнейшим звеном, связывавшим его с папой. Он хвастался послу Броньоло, что дамы, имеющие доступ к понтифику, весьма полезны, но более других – его жена. «Я отовсюду слышу, – писал посол, – что Лукреция имеет самое большое влияние и для своего возраста чрезвычайно умна».

Известно, что позже по указу Александр VI Лукреция была назначена губернатором городов Сполетто и Фолиньо, несмотря на то что такой высокий пост мог занимать лишь мужчина с кардинальским титулом. Однако если верить историческим свидетельствам, Лукреция проявила себя как талантливый и мудрый правитель. Например, когда вражда между городами Терни и Сполетто грозила перерасти в кровавое противостояние, она нашла способ примирить противников. Скорее всего, Александр VI, назначая свою дочь губернатором в бунтующих городах, был уверен в ее уме и способностях. В его отсутствие ей было доверено отвечать на письма в папской канцелярии. Несомненно, такие мужские ее способности порождали клевету из зависти.

Через 4 года семья Сфорца потеряла свое влияние в политике, и этот союз стал ненужным для Борджиа. Отношения Джованни с семьей Борджиа сильно испортились, когда он, по некоторым сведениям, пытался шпионить за своими миланскими родственниками. Поэтому Александр VI начал поиски нового претендента на руку дочери, одновременно обдумывая, как покончить с ее браком. По версии современника Лукреция успела предупредить супруга о готовящемся покушении на его жизнь, и он успел сбежать в свои владения в Пезаро. Александр VI убедил семью Сфорца в необходимости согласия на развод, в качестве причины называлась импотенция мужа. Согласно заявлению Лукреции между супругами никогда не было сексуальных отношений, что было единственно допустимой причиной для развода. Джованни в свою очередь утверждал, что жена клеветает на него, и отказывался от развода. Ему предложили доказать свою невиновность и, так сказать, продемонстрировать при свидетелях свои семейные отношения, однако он не согласился. Тогда Сфорца пригрозили Джованни лишить его защиты, если он не согласится на развод. Ему больше ничего оставалось, как вернуться в Рим и подписать документы о своем сексуальном бессилии при свидетелях. В 1497 году брак Лукреции и Джованни был расторгнут. Униженный и оскорбленный на всю Италию, мужчина стал распространять слухи о слишком близких отношениях Лукреции с ее отцом.

«А когда Его Светлость спросил, верно ли утверждение папы о неспособности его осуществлять супружеские обязанности и о том, что брак его с Лукрецией является, по сути, фиктивным, он категорически возразил: «Это не так, ведь с женой у него была регулярная интимная близость». Однако папа отобрал у него Лукрецию, чтобы самому ею воспользоваться», – так описывал поведение Джованни один из дипломатов.

После заявления Джованни слухи об инцесте пошли гулять по свету, обрастая немислимыми подробностями. Эти высказывания пошатнули репутацию Борджиа так, что она уже никогда не восстановилась. Предания гласят, что-то ли папа, то ли его дочь Лукреция владели ключом, рукоятка которого заканчивалась незаметным глазу острием, натираемым ядом. Гостя просили открыть этим ключом покои, где хранились произведения искусства, он слегка оцарапывал кожу руки, и этого было достаточно для смертельного отравления. Кроме ключа у Лукреции была игла, внутри которой находился канал с ядом. Этой иглой она могла в толпе погубить любого человека. Но нигде нет упоминаний о том, что ее поймали хотя бы раз за этим преступлением.

После развода Лукреция покинула Ватикан и в сопровождении прислуги удалилась в доминиканский монастырь Сан Систо. Никто не знает, каковы в то время были ее чувства, но, должно быть, в душе ее зрел протест. Один современник отмечал, что она покинула отца «как нежеланный гость», другими словами, поссорилась с понтификом, по всей видимости, из-за процедуры развода.

В начале 1498 года появились противоречивые слухи о том, что в стенах монастыря девушка тайно родила ребенка. Предположительно, его отцом стал единственный мужчина, который имел доступ к Лукреции на протяжении нескольких месяцев, – Педро Кальдес, администратор папского двора. В его обязанности входило обеспечение обмена письмами между Лукрецией и ее отцом, а поскольку письмами они обменивались чуть ли не каждый день, то юноша виделся с Лукрецией практически ежедневно. Если бы нашлись доказательства этой скандальной истории, то судьба Лукреции была бы разрушена навсегда – ни один мужчина больше не взял бы ее в жены.

Кальдеса нашли мертвым. Есть версия, что Чезаре заколол его кинжалом в Ватиканском дворце у ног Александра VI. Однако официальная версия случившегося заключается в том, во всяком случае так заявлял папа в письменной форме, что Педро Кальдес «прыгнул по собственной воле в воды Тибра». Тогда же, весной 1498 года, в семье Борджиа появился младенец Джованни. В 1501-м были выпущены сразу две папские буллы: в одной говорилось, что Джованни – сын Чезаре от неизвестной незамужней женщины. Вторая булла – тайная – признавала, что римский инфант – ребенок самого папы. Тайная булла была найдена в бумагах Лукреции после ее смерти. Лукреция не упоминалась нигде, но возможно, Джованни и был этим ребенком, рожденным Лукрецией от убитого любовника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.